

В СТРАНЕ ЛЕГЕНД
И ПРЕДАНИЙ

Булач Гаджиев

ЦАРСКИЕ И ШАМИЛЕВСКИЕ КРЕПОСТИ В ДАГЕСТАНЕ

В стране легенд и преданий

Булач Гаджиев

**Царские и шамилевские
крепости в Дагестане**

«Эпоха»

2006

Гаджиев Б. И.

Царские и шамилевские крепости в Дагестане / Б. И. Гаджиев — «Эпоха», 2006 — (В стране легенд и преданий)

Царская Россия еще до похода Петра I в Дагестан стремилась присоединить Кавказ, но лишь после победоносной войны с Наполеоном правительство смогло приступить к покорению этого края. Командовать войсками на Кавказ был назначен генерал А. П. Ермолов, один из военачальников Отечественной войны 1812 г. В 1816 г. он с войсками прибыл в непокорные земли. Первые же... столкновения с восставшими показали, что штурмом Кавказом овладеть невозможно. Поэтому в стратегических точках Дагестана возникают крепости, укрепления, блокпосты и т. д. Шамиль, ведущий в основном партизанскую войну, понимал, что строить крепости против царских пушек и регулярных частей неразумно. И все-таки три-четыре естественно-искусственные крепости он создал, такие, как Уллу-Кала, Ахульго, Гуниб. Обо всем этом подробно читайте в предлагаемой книге.

Содержание

Царские крепости	5
Внезапная	8
На берегу Чираг-Чая	16
«Бэла» из Чирага	22
Бурное	24
Темир-Хан-Шура	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Булач Гаджиев

Царские и шамилевские крепости в Дагестане

Царские крепости

После победоносного окончания войны с Наполеоном, царская Россия обратила особое внимание на Кавказ. Первым генералом, назначенным для покорения этого края, был бывший начальник штаба 1-й русской армии 1812 г. Алексей Петрович Ермолов, отличавшийся не только жестокостью, но и умом. Ермолов так определял новый театр военных действий: «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее, или овладеть траншеями». В военной практике А.П. Ермолова встречалось и то, и другое. Генерал обращал внимание царя на то, что русские населенные пункты, расположенные на Сунже и Тереке, подвергаются постоянной угрозе. Ермолов считал, что для отвращения опасности есть только одно средство: построить ряд укреплений, расположенных по Сунже, и продолжить их через селения Аксаевская, Андреевская и Костековская до р. Сулак». А.П. Ермолов открывал перед царем карты и на то, почему еще необходимо оставлять линию в стороне. «Мимоходом в Дагестан через владения шамхала Тарковского, – писал генерал, – овладеем мы соляными богатыми озерами».

В XIX веке монополию на соль в Дагестане держал в своих руках шамхал. Ее приобретали не только дагестанцы, но и чеченцы. Все это вместе взятое и, прежде всего, «усилившаяся борьба горцев за свою независимость», привело к строительству новых укреплений. Так возникают «Грозная», «Неотступный стан», «Таш-Кичу», «Злобный окоп», «Воздвиженская», «Бурная». «Внезапная», «Низовая» и многие другие крепостные сооружения, с помощью которых царские власти забирались все дальше и дальше вглубь непокорного края.

Происхождение названий этих сооружений «растолковал» их же автор А. П. Ермолов. В письме к дежурному генералу при императоре Арсению Андреевичу Закревскому Ермолов писал: «Сейчас получил известие, что кончены нынешнего года работы против чеченцев. Построена довольно хорошая крепостца, называемая «Неотступный стан». Построен редут, именуемый «Злобный окоп». Так назван он по положению его на месте, откуда нападали прежде самые «злобные хищники», и в память того, что на сем месте была переправа через Сунжу известного полковника Пиери, который погиб с полком против чеченцев, будучи окружен в лесу, где не могла действовать его артиллерия».

Эти и другие укрепления составляли две кордонные линии. Одна начиналась в «Грозной» и шла вверх по реке Сунже вплоть до Военно-Грузинской дороги. Другая – шла на юг по реке через Старый Аксай и укрепление «Внезапная» до границ северного Дагестана. Обе эти линии прочно оберегали земли царской России с юга. К числу укреплений относился и Герзельаул, первый населенный пункт на границе Чечни и Дагестана. Точности ради заметим, что лишь Темир-Хан-Шура, «Грозная» и «Внезапная» могли называться крепостями. Все же остальные на первых порах имели жалкий вид и вполне соответствовали словам Наполеона о том, что крепости строятся для того, чтобы быть взятыми.

Генерал А.П. Ермолов.

Облюбованная местность обносилась рвом. Из вырытой земли сооружали вал. На него насаживали колючки, причем не со всех сторон, а с той, откуда обычно ждали противника. Кроме того, строили самое большое два бастиона с амбразурами. Они обычно были расположены по диагонали. Для входа в укрепление обычно ставили стальные ворота. Если имелись пушки, то они служили, как для устрашения нападавших, так и для салютов в честь праздников или приезда именитых гостей. Пушки были устаревшие и малонадежные. Многие из них исколесили не одно европейское государство. Никакого значения не придавалось строительству порохового погреба. Это была землянка с дощатой крышей, присыпанной землей. Все меры предосторожности заключались в том, что часовой кричал проходящим: «Ходи дальше».

В постскрипуме хочу заметить, что в данной работе речь пойдет не только о крепостях и укреплениях, но и крепостцах-блокгаузах, сторожевых башнях и т. д., имевшихся только на землях Дагестана.

Внезапная

Укрепление с таким названием было заложено в первой половине 1819 года. Оно (укрепление, или она – крепость Внезапная) находилось на правом берегу реки Акташ, чуть выше кумыкского селения Андрей-аул (Эндирей, Андреевское. – Б. Г.).

Внезапная входила во вторую кордонную линию, связывая крепость

Грозную с северным Дагестаном через старый Аксай.

Ее строительство поручили генерал-майору Вельяминову. В распоряжение он получил 6 батальонов пехоты и 300 казаков. На случай нападения противника генералу придали еще 16 орудий.

По указанию А. П. Ермолова были заготовлены лес и прочие материалы, необходимые для стройки.

Отвечая на вопрос, почему именно у аула Андреевского строилось укрепление, Ермолов утверждал, что, будучи вблизи переправы через Сулак, на границе Чечни, Салатавии и Дагестана, Внезапная станет грозой для их жителей.

Первую лопату всадили в землю, первый камень вложили в гнездышко в середине июля. И на глазах изумленных жителей Андрей-аула быстро стали обозначаться контуры Внезапной.

Слухи не ветер разносит. О возникновении Грозной крепости стало известно и противоборствующей стороне. Ахмет-хан Аварский, брат его Гасан-хан и их союзники в начале августа появились в Бавтугае, что не далее 20 верст от Внезапной.

А. Ермолов, не дав им закрепиться, оказался в Бавтугае и в коротком бою, применив артиллерию, вынудил дагестанцев уйти как можно дальше. Этим генерал не успокоился. Он преследовал бежавших, сжег несколько аулов, а 5 сентября возвратился во Внезапную.

Тип унтер-офицера времен Кавказской войны.

В ноябре 1819 г. постройка крепости подходила к концу. А. П. Ермолов из Внезапной то отправлялся в очередной поход, то возвращался в нее.

Так, к примеру, покинув Внезапную, 14 ноября генерал прибыл в Тарки, чтобы оказать помощь шамхалу. Летом 1831 года 1-й имам Дагестана Кази-Магомет обложил Внезапную, да так удачно, что лишил гарнизон питьевой воды. Однажды ночью солдаты сделали попытку спуститься к реке

Акташ, но неудачно. Они были замечены и обстреляны. Наступившая жара и отсутствие воды привели гарнизон в безвыходное положение.

В связи с этим с «кавказской линии» форсированным маршем были двинуты кавалерия и артиллерия, а пехоту для быстрого передвижения погрузили на подводы.

Личный секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир писал, что когда подкрепление прибыло, Кази-Магомед разрешил желающим разойтись по домам. Видимо, это было рассчитано на то, что добровольно оставшиеся будут сражаться не на жизнь, а на смерть. Так и случилось. Мюриды первого имама заняли удобные позиции между Эндиреем за разрушенным селением Акташ. В стычке царские войска понесли ощутимый урон, причем горцы сумели захватить

пушку. Но на большее не хватило сил. Подкрепление вступило во «Внезапную», и мюриды ушли на юг.

6 июня 1831 г. генерал Эммануэль доносил Паскевичу: «Я предписал составить по возможности отряд близ кр. «Внезапной» и старался всеми мерами остановить распространение возмущения Кази-Муллы, но все сие недостаточно».

И действительно, пламя восстания стремительно распространилось и докатилось до соседей-чеченцев. Не далее как через 20 дней после рапорта Эммануэля Внезапная была обложена 14-тысячным отрядом Кази-Магомеда. У полковника же Тучинского, оборонявшего крепость, было всего 350 человек. Только с появлением из-за Терека генерала Бековича-Черкасского с большим отрядом осада, длившаяся 16 дней, была снята.

Шамиль, его сыновья и наибы

Определенную роль Внезапная играет и при Шамиле. Особенно в 1839 году, когда имам решил закрепиться на Ахульго.

Поразительным фактом остается то, что за три недели царские солдаты проложили аробную дорогу от Внезапной через реки и ущелья скалы в

Нагорный Дагестан. По ней в стороны Ахульго, Зириани, Хунзах шли войска, доставлялось вооружение и продукты.

В этом месте повествования я позволю себе немного отвлечься. В каждой крепости имелся лекарь, а то и несколько. Работы было по горло. Ведь не проходило и недели без перестрелки, без стычки, а поэтому раненых было более чем достаточно.

Тяжелая армейская жизнь в четырех крепостных стенах, а то и смертельно опасный поход приводили к тому, что люди буквально дичали. Свободное время посвящалось картам и пьянству.

В 1844 году во Внезапную был прислан лекарем Иван Семенович Костемеровский. Сохранился довольно любопытный рассказ о нем генерала В.А. Геймана. Будучи еще юным прапорщиком, В.А. Гейман участвовал в трудной экспедиции 1845 года и оказался тяжело раненным в грудь. Его доставили во Внезапную и поместили в госпиталь. Далее мы предоставим слово самому прапорщику.

«По прибытию нашему в госпиталь первое время нашею палатою заведовал лекарь Д., но через два дня мы постоянно просили о назначении другого, и нам дали молодого, врача Костемеровского. Много мы ему обязаны, особенно я; положительно он спас мне жизнь. Весьма развитый и хорошо владевший словом, он, не говоря уже о том, что всегда делал перевязку собственноручно, просиживал у нас да поздней ночи, говоря без умолку, немало развлекал нас при скучной госпитальной обстановке. Нам было просторно и удобно, но с каждым днем я все более и более слабел: отделение костей, нарывы и сильнее нагноение окончательно меня изнурили, открылся сильный кашель, кровь и материя, вместо истечения из раны, которая была почти сухая, шла горлом. Дни мои были сочтены; я уже еле дышал. Потом уже мне сказали: Костемеровский назначил мне жизни один день; но он спас меня, ухитрившись приладить иначе повязку: из мокрой газетной бумаги сделал валик, умудрился туго прикрепить бинтом с левой стороны груди, – теперь материя не просачивалась из раны в грудную полость».

Кашель тотчас начал уменьшаться, Геймана поддерживали хересом, крепкими бульонами, и он, наконец, поправился.

«Он спас мою жизнь, – говорил, уже будучи генералом, Гейман. – И я всю жизнь ему буду благодарен».

В апреле 1840 года во Внезапной мы застаем такую картину. 23 числа генерал Галафеев из Герзель-аула прибывает сюда, имея батальон Апшеронского полка, двух конных, орудия и сотню кумыков. В это время к генералу явились жители некоторых ауховских селений с просьбой разрешить им вернуться по домам. Малафеев уважил их желание.

В августе Шамиль активизировал свои действия наступлением, чем прервал сообщение между Темир-Хан-Шурою и Внезапной. В 1841 году во Внезапной устроен госпиталь на 200 человек.

30 сентября 1843 года стало известно о том, что Шамиль совершил нападение на Андрей-аул, но был отбит жителями селения вместе с гарнизоном крепости Внезапной. Мюриды должны были уйти в горы. В это время перед царским командованием стоял вопрос: стоит ли удерживать за собою Аварию, или очистить совершенно опустошенную войною страну? Генерал Гурко считал необходимым сосредоточить все войска в Темир-Хан-Шуре, оставив горы в покое. Противоположного мнения был генерал Клугенау. Он считал необходимым утвердиться в горах и устроить там военные поселения. Соображения последнего одержали верх.

Весь октябрь 1843 года Шамиль находился в Дылыме. Ходили слухи, что он нападет на Андрей-аул, а другие считали – на Хунзах. Поверили первому предположению. Когда Шамиль увидел, что почти все войска стянуты во Внезапную, он распустил мюридов и ушел в Гумбет.

1843 год для Внезапной прошел более-менее спокойно. В мае 1844-го в крепости сосредоточились 12 батальонов пехоты, 2 роты сапер, рота стрелков, две дружины пешей милиции,

... сотен казаков и 28 орудий. 31 мая они покинули Внезапную и сосредоточились в урочище Бавтугай. Предстояли бои в районе Бавтугая, Гертма и других аулов.

Осенью 1850 года во Внезапную со свитой прибыл цесаревич Александр Николаевич. Здесь ему устроили завтрак, и он принимал почетных людей Андрей-аула, Костека и других кумыкских селений.

Затем наследнику престола показали крепость. Выйдя за стены Внезапной, гость любовался Ауховским ущельем, по которому протекает Акташ. Генерал Козловский, сопровождавший царевича из Петербурга, рассказал о том, как 7 лет тому назад, 30 сентября 1843 г., сам Шамиль напал на Андрей-аул, имея 4 тысячи человек при 4 орудиях, и о том, как он, Козловский, услышав выстрелы, прибежал сюда с кабардинцами и заставил имама отступить. Рассказом царевич остался очень доволен, поблагодарил генерала и обнял его.

Для того чтобы уяснить себе, как выглядела крепость Внезапная, обратимся к рассказу Николая Шипова – маркитанта, бывшего солдата.

«Теперь скажу несколько слов об этой “Внезапной” крепости, об Андреевском ауле, – начинает Н. Шипов. – Крепость стоит близ леса, на правой гористой стороне быстрой каменистой речки Акташ. В крепости находятся казармы, церковь и дома каменные; кругом их крепостной вал, на котором четыре бастиона с большими орудиями.

Этот вал соединяется с форштадтом, где живут в собственных домах женатые казаки. Здесь находится дом полкового священника¹, разные казармы, маркитантский двор и две обхваты или заставы, из коих одна – на реку Акташ, по дороге к укреплению Костычам, а другая – в Андреевский аул, отстоящий от форштадта не более версты. За дровами ездят из «Внезапной» всегда с конвоем, это называется «оказией». Скот пасут за рекой Акташ тоже под конвоем, так как нередко случалось, что черкесы нападали на скот...»

Со времени основания Внезапной прошло 172² года, а с того года, когда войска, покидая крепость, дали прощальный салют, прошло более 100 лет.

И вот возникает вопрос, что же представляет сейчас из себя некогда грозное и широко известное в Кавказскую войну укрепление?

Крепости как таковой, разумеется, нет. Не сохранились ни дом священника, ни казармы, ни маркитантский двор, ни помещения в два «обхвата». Как только солдаты покинули эти места, распродав балки, металл и наиболее ценные вещи, хозяевами укрепления стали жители Андрей-аула. Они и растаскали камни и все остальное, что могло пригодиться по хозяйству.

Нас спросят, что же сохранилось? Попробуем совершить экскурсию на место, где была Внезапная. Кстати, и идти недалеко. Николай Шипов отмечал, что от форштадта до Андрей-аула не более версты. А теперь и вовсе рядом. Кумыкский аул настолько разросся, что от крайних его саклей до бывшей крепости мы насчитали не более 100 метров. Сто лет – все-таки немалый срок. За эти годы название крепости стерлось из памяти народной. И если вы вздумаете искать “Внезапную” под ее названием, то вы и вовсе заблудитесь. Местные жители называют ее «Эскикала», что значит «Старая крепость».

Ее вам покажут на западной окраине Андрей-аула. Еще не выходя за «красную» черту селения, вы увидите земляной вал. Когда взберетесь на него, перед вами откроется как бы план, чертеж «Внезапной».

Вы увидите не совсем правильный четырехугольник. Это земляные стены-валы, и они неодинаковых размеров.

¹ Русская старина. 1881. Цит. из кн.: Р. Магомедов. Факты и легенды. Махачкала, 1963. С.73

² Свою рукопись Булач Гаджиев собирал и писал в разные годы, долго она ждала и своего издания. (Издательство не стало менять даты, указанные автором. – Ред.)

Мои юные краеведы (школа № 5 г. Буйнакса) измерили их шагами. Северный вал, имеющий скат к реке Акташ, имел в длину 341 и западный – 253 шага, восточный, что начинается от Андрей-аула, – 375 шагов и южный – 341 шаг.

Н.П. Степцов

Князь М.С. Аргутинский-Долгоруков

Земляные стены-валы в обе стороны имеют скат под углом не менее 40°, но высота их основания ощутительно различна. К примеру, восточный вал имеет в высоту 6 шагов, а северный, выходящий на реку, – около 50 шагов. Это станет понятно, если мы вспомним, что именно оттуда, из-за Акташа, чаще всего крепости угрожала опасность.

Как мы уже говорили, внутри «Внезапной» никаких зданий не сохранилось. Но за целый век над фундаментами домов форштадта и других построек образовались напластования из земли. И они-то, как контуры на чертежной карте, «рассказывают» нам о многом. По этим «контурам» легко догадаться, что по углам «Внезапной» находились «четыре бастиона с большими орудиями».

Барон И.А. Вревский

Граф Н.М. Евдокимов

Нетрудно догадаться и о том, где были ворота: «Восточные» – на Андрей-аул и «Западные». Они также не сохранились, но сохранилась стена, на которой закреплялись ворота. Стена эта построена из красного обожженного кирпича с белым скрепляющим материалом. Длина сохранившейся части 420 см, толщина 93 см и высота около 4,5 метра. Внутри бывшей крепости растет густая трава, и ничто уже здесь не напоминает о былых тревогах, тяжелой солдатской жизни, о парадах и смотрах. И даже не верится, что 125 лет том назад в 1840 году в крепости побывал М. Ю. Лермонтов, что здесь работал врачом И. С. Костемеровский и у него лечился будущий генерал Гейман...

Но все это действительно было, и в рассказах местных жителей всплывает та или иная деталь, дополняющая известные истории факты.

За восточным валом и сейчас проходит глубокая и довольно широкая траншея. Нам говорили, что когда к «Эсикала» близко подходили мюриды Шамиля, то солдаты по траншее спускались к Акташу и доставали воду для гарнизона. И это можно было делать только в ночное время, так как днем мюриды легко поражали смельчаков.

Траншея за валом, прорытая от Акташа, не кончается у крепости, а идет на юг, поднимаясь в гору на расстояние не менее 2 километров, и заканчивается у местности «Пашня».

По всей видимости, местные жители исказили слово «Башня». Действительно, на горе были аванпосты, скорее всего сторожевая башня, охранявшая подступы к «Внезапной».

Между северным валом и рекою Акташ есть площадь размером не менее тысячи квадратных метров. В старину на этом месте были базары. Шла не только купля-продажа. Солдаты в базарные дни заходили сюда, чтобы обменять мыло, махорку, пуговицы на продукты. Офицеры имели возможность приобретать здесь все необходимое.

На другой стороне Акташа, в полукилометре от левого берега, возвышается холм Аркабаш, обросший невысоким кустарником. Там также находилось сторожевое охранение, которое местные жители, как и «Внезапную», называют «Эсикала».

Николай Шипов говорит, что были еще две «заставы», из коих одна – на реке Акташ, по дороге к укреплению «Костычам».

Значит, на Аркабаш стояло укрепление «Костычам». Но и здесь найти какие-либо следы укрепления также трудно. За «Костычагом» некогда пролежала так называемая «Яхсай-ел» / Аксайская дорога/. Хотя она оказалась в стороне от основных путей, ею до сих пор пользуются. На западе от селения, т. е. в том же направлении, что и «Внезапная», имелось кладбище русских солдат, но эти места давным-давно перекопаны.

Как-то, сооружая канал через «Орус-Габурлар» /русские могилы/, строители наткнулись на скелеты людей. Между прочим, это место еще именуют «Могилой коменданта». Вероятно, здесь был погребен комендант «Внезапной». На такую догадку натолкнул следующий рассказ, который до сих пор бытует у местных жителей.

Как-то комендант крепости ехал по узкой тропе. Навстречу попался всадник-горец. То ли он замешкался, то ли умышленно не уступил, в воздухе просвистела нагайка, и удар царского офицера тотчас оставил метку на лице горца. В виде «сдачи» комендант получил пулю.

А лесов вокруг Андрей-аула, о которых упоминает Николай Шипов, сейчас и в помине нет. Правда, в удалении от селения встречаются то тут, то там кустарники, но по ним даже трудно догадаться, что здесь некогда росли прекрасные леса.

После 1858 г. из военных сводок почти исчезает сообщение о Внезапной. Это было связано с тем, что Шамиль, теряя одну позицию за другой, лишившись живой силы и вооружения, вынужден был ограничить театр военных действий в узкой полосе Чечни, чтобы во второй половине лета перейти в Дагестан, а 25 августа 1859 года на горе Гуниб сложить оружие.

На берегу Чираг-Чая

В начале XIX века за обладание некоторыми областями на юге Дагестана между Сурхай-ханом Кази-Кумухским и сторонником русской ориентации Аслан-ханом развернулась борьба не на жизнь, а на смерть.

В борьбе этой то одна сторона имела перевес, то другая. Боевые действия в основном происходили в южном Дагестане и в северных территориях Азербайджана. Нередко в военные действия противоборствующих сторон оказывался втянутым и аул Чираг, находящийся у черта на куличках. К примеру, в самом начале 1812 г., когда Аслан-хан утвердился в Курахе, Сурхай-хан приложил все усилия, чтобы вернуть эту область под свою власть. Его сыновья с войсками непрерывно появлялись в окрестностях Чирага и Ричи, уговаривая местных жителей к неповиновению Аслан-хану и царскому командованию.

Получив тревожное известие, Аслан-хан хотел было дать бой, но, взвесив все за и против, решил, что сил одной его милиции будет мало, и обратился за помощью к начальнику Курахского гарнизона майору Рябинину.

В марте 1812 г. их объединенные силы, пройдя через сел. Чираг, двинулись на Кази-Кумух, однако близ Хосрека были встречены войсками Сурхай-хана. Столкновение не дало успеха ни Аслан-хану, ни Рябинину. Потеряв несколько человек убитыми, их отряд повернул восвояси. Но это событие не являлось особым успехом для казикумухцев.

Сурхай-хан, решивший во что бы то ни стало вернуть под свою руку Кюру, в свою очередь, обратился за помощью к Персии, акушинцам и аварцам.

Чтобы упредить опасность, генерал-майор Хатунцев в июле 1812 года двинул войска к сел. Рича.

Внезапность действий Хатунцева расстроила все планы Сурхай-хана, и ему ничего не оставалось, как дать присягу на верность России. К генералу явился сын Сурхай-хана с письмом от отца, в котором тот извинялся, что лично не мог явиться в связи со старостью, а главное с внезапной болезнью. Но не успели еще просохнуть чернила в письме, как Сурхай-хан, призвав на помощь новые силы, двинулся к Курахе. Удача отвернулась от него. Гарнизон Кураха и милиция Аслан-хана на этот раз сумели одолеть войска казикумухского хана около аула Гельхан. Последний, как рассказывают, с 20 ближайшими родственниками ускакал в Тавриз, снова искать помощи у персиян.

В этой борьбе двух ханов аул Чираг начинает приобретать, пусть будет громко сказано, стратегическое значение. Дело в том, что дорога между противоборствующими сторонами как раз пролегла именно через этот населенный пункт. Выражаясь фигурально, Чираг приобретает роль некоего водораздела.

23 июля 1812 года начальник войск в Дагестане Н.М. Хатунцев в докладной Н.Ф. Ртищеву сообщал: «Границею же положена для Кази-Кумуха разоренная деревня Чираг, а для Кюринской провинции деревня Ричи»³.

Царское командование понимало условность такой границы, поэтому в Чираге был устроен небольшой гарнизон.

Вскоре опасения подтвердились. На рассвете 18 октября 1819 г. Сурхай-хан Кизикумухский очертя голову атаковал Чирагский пост.

Увы, застать гарнизон врасплох не удалось. Атака была отбита. Однако Сурхай-хан не только не отвел свои силы, а решил, во что бы то ни стало, через аул Чираг прорваться в Кубинскую провинцию.

³ Материалы из истории Дагестана и Чечни. Махачкала: Даггиз, 1940. Т. III. Ч. 1. С. 109.

Он снова и снова подбадривал людей, а однажды даже сам повел их на штурм, но и в этом случае меткая стрельба солдат нанесла непоправимый урон его силам.

В истории Апшеронского полка, солдаты которого обороняли Чирагский пост, сказано: «Неприятель несколько раз врывается в казармы, выстроенные около редута, желая во что бы то ни стало завладеть провиантским магазином, но каждый раз был отражен выходившими на вылазку ротами. Потеряв много убитыми и ранеными, горцы... отступили».

12-часовое сражение, с 6 утра до 6 вечера, не принесло успеха Сурхай-хану. Он отошел к Кази-Кумуху.

Восстание солдат 83-го Самурского полка. Фоторепродукция с картины художника Э. Астишева.

Понимая, какие цели преследовал Сурхай-хан, командующий войсками в Дагестане генерал А. П. Ермолов приказал князю Магомедову двинуть подчиненные ему войска в Кубинскую провинцию, а сам тоже, не мешкая, поторопился против восставших акушинцев. Основное сражение произошло в декабре 1819 года при речке Урма-озень, где горцы понесли большой урон.

Моментом, когда Ермолов был отвлечен против акушинцев, воспользовался мятежный Сурхай-хан. Имея в подчинении около 6 тысяч человек, он штурмовал Чирагское укрепление, где находились две роты Апшеронского полка под командованием штабс-капитана Овечкина.

События развивались следующим образом.

Проведав, что защитников на Чирагском посту не очень много, Сурхай-хан решил с ходу занять его, а затем истребить весь гарнизон. Тем более что противник для себя скорой помощи не мог ожидать. Во-первых, из-за отдаленности расположения резервов. Во-вторых, А. П. Ермолов, как мы знаем, был отвлечен событиями в районе Акуша – Леваша. Поэтому Сурхай-хан в основе своих намерений имел достаточно оснований на успешный исход предприятия.

И. Савин – почтальон полка. Участник восстания Самурского полка.

Комендант Чирагского поста Овечкин, известный своей храбростью, конечно же, представлял, какая угроза нависла над гарнизоном, но в одном он был непреклонен: он сам и его подчиненные будут сопротивляться до последнего, а в крайнем случае решил взорвать на воздух укрепление и гарнизон.

Как раз в тот день, 19.XII.1819 г., когда между Ермоловым и акушинцами произошло сражение на речке Урма-озень, громадное скопище Сурхай-хана со всех сторон окружило Чирагский пост. Он выдвинул ультиматум противнику добровольно сложить оружие. Нападавшие ждали ответа, а вместо него грянул залп из ружей и пушек. Были принесены первые жертвы. Горцы с яростью устремились на укрепление, но открытая атака с уроном была отбита. Штурм безуспешно повторялся несколько раз.

Видя упрямство гарнизона, Сурхай-хан стал готовить лестницы, фашины, чтобы с их помощью проникнуть во внутрь укрепления. Овечкин оказался находчивым офицером. В частности, он использовал Чирагскую мечеть, находящуюся в двух шагах от укрепления молельню и минарет занимали 40 добровольцев под командой прапорщика Щербины. Захватив мечеть, Сурхай-хан мог оказаться у стен укрепления. В связи с этим горцы стали непрерывно атаковать позицию Щербины. Бои за мечеть шли в течение двух дней. И настал такой момент, когда прапорщик понял, что дальнейшая оборона погубит всех его людей. По его приказу все солдаты покинули мечеть, кроме 4-х стрелков-добровольцев, которые с Щербиной взобрались на

самую верхотуру минарета, откуда противник был виден как на ладони. У них было достаточное количество патронов, чтобы частою стрельбою наносить урон противнику. Понимая, что мечетью овладеть прежним способом невозможно, по приказу Сурхай-хана был сделан подкоп под минарет. Замысел удался – минарет рухнул на землю. Просто удивительно как охотники-добровольцы во главе с Щербиной уцелели, отделавшись легким испугом. Восхищенный их поведением, Сурхай-хан решил оставить пятерку в живых. На предложение сложить оружие, солдаты разрядили оружия, но и сами пали под ударами сабель. Эту кровавую сцену видели защитники Чирагского укрепления.

Еще трое суток продолжалась осада. Еще имелись в достатке боеприпасы, продукты, еще надежны были стены обороняющихся, а вот запасы питьевой воды катастрофически иссякали. Кое-кто дрогнул, понимая, что в пору будет выкинуть белый флаг. Но были и такие, кто, невзирая на смертельную опасность, пользуясь наступлением темноты, делал попытку спуститься к Чираг-чаю. «Некоторым из этих смельчаков, – сказано в истории Апшеронского полка, – удавалось набирать воды в манеры, но большая часть поплатилась за это головой⁴.

Вот в такое сложное время получил рану комендант Овечкин. Не теряя присутствия духа, штабс-капитан подбадривал своих подчиненных. В какой-то момент он заметил, что часть людей, впав в панику, заколебалась, сникла, перестала упорствовать.

Призвав таких к себе, он напомнил, что, будучи с ними, он получил две раны, не один раз водил их в атаку и никогда не давал повода к трусости.

Заканчивая свою речь, Овечкин добавил: «Уж если Вы решили опозорить имя русское, то прежде пристрелите меня – и тогда делайте что хотите...

После этих слов, как пишет Л. Богуславский, «солдат... засыпали дождем свинца засевавших во рву горцев»

Раны Овечкина дали о себе знать, он начал терять сознание. Краешком уха он слышал, как один из фельдфебелей предложил сдаться на милость противника. Штабс-капитан очнулся и приказал немедленно связать паникера, объявив при этом, что всякого, кто заговорит о сдаче, он велит расстрелять.

В стане противника происходило непонятное: сперва замешательство, а затем поспешный отход, в сторону Хосрека. Выяснилось, что Сурхай-хан через лазутчиков получил известие о помощи, отправленной А. П. Ермоловым осажденному Чирагу.

Когда убедились, что отход хана не маневр не хитрость, солдаты, прежде всего, взялись хоронить погибших товарищей. Их оказалось 44 человека: поручик Денисов, прапорщик Щербина и 42 солдата.

Удержанию Чирагского укрепления царское командование придавало чрезвычайное значение, считая, что если Сурхай-хану удалось бы овладеть им, тогда казикумухцы соединились бы с табасаранцами и другими вольными обществами, что могло привести к поголовному восстанию и в Южном Дагестане. Это, во-первых. Во-вторых, случись такое, восстание как магнит притянуло бы к себе жителей Кубинской провинции, где в то время находилось весьма ограниченное количество царских войск.

О событиях в Чираге было доложено Александру I. Он наградил штабс-капитана Овечкина орденом св. Владимира 4-й степени и пожаловал чин капитана. Ермолов также не остался в стороне. Служивым укрепления он выделил 100 червонцев с тем, чтобы раздать их нижним чинам.

Генерал решил положить конец действиям Сурхай-хана. С этой целью в Кази-Кумух был направлен беспощадный князь Маданов. 10 июня 1820 года войска прибыли в Чираг. По заранее составленному плану экспедиции этот населенный пункт должен был служить промежу-

⁴ Богуславский Л. История Апшеронского полка //Репринтное воспроизведение Атаева И. Г. 1993. – СПб, 1892. Т. 1. С. 357.

точной базой. В Чираг постепенно стали прибывать фургоны, арбы и подводы, нагруженные артиллерийским снаряжением и продовольствием для войск.

В ночь на 12 июня войска Маданова покинули Чираг и продвинулись в сторону Лакии на 25 верст. На следующий день встретили передовые отряды той и другой сторон, что стало началом военных действий. Они быстро завершились.

Установив, что с царскими войсками ему не справиться, Сурхай-хан быстро отступил к Кази-Кумуху. Вскоре прокатился слух, что хан со своим семейством перебрался в Персию. Маданов вошел в столицу Сурхай-хана и безжалостно разрушил ее до основания.

В военных сводках последующих лет Кавказской войны о Чирагском укреплении нет-нет да упоминалось.

К примеру: 26 июня 1842 года генерал Головин предписал полковнику Аргутинскому-Долгорукову: «Относительно прочного утверждения владычества нашего в обоих ханствах (Кюринское и Кази-Кумухское. – Б. Г.) мерами военными.

Вы полагаете необходимым возвести сильные укрепления в Кумухе и Курахе и обеспечения сообщения между этими пунктами, устроить башню в Чираге...»

Головин с этим «согласен, но находит, что в Курахе достаточно иметь укрепление на две роты, но – в Кумухе по удаленности сего пункта полагал необходимым возвести укрепление, не меньше как на целый батальон»⁵.

В донесении корпусного командира, генерала от инфантерии Нейгардта указывалась задача с тем, чтобы к концу 1844 г. «окончить укрепление в Чираге».

В начале сентября 1848 г. Шамиль с наибами Хаджи-Муратом и Даниял-беком Элисуйским вторгся в Самурский округ и стал угрожать Нухинскому уезду, заняв ряд точек в Джаро-Белоканском округе. Затем имам двинулся в /амурский округ/. В это время в Ахтынском укреплении имелись только две роты пехоты.

Мюриды быстро оседлали долину реки Самур, заняли Рутул и все деревни, лежащие по берегу этой реки и Ахты-чай.

Командующий Прикаспийского края в это тревожное время находился в Темир-Хан-Шуре, известие о событиях на Юждаге он получил 8-го сентября. С находящимися у него под рукой войсками маршем двинул он на помощь Ахтынскому гарнизону. Войска князя М. З. Аргутинского-Долгорукого с 12 на 13 сентября прибыли в Чираг. Здесь была устроена дневка: солдаты приводили амуницию в порядок, купались в холодных водах Чираг-чая. Беседовали со служившими из крепости, раскуривали трубку, повздыхали, вспоминая далекую родину. Получив ночной отдых, на следующее утро, на скорую руку перекусив завтрак, они должны были по тревоге разобратся по эскадронам и скакать по неизведанной дороге в неведомые края, где неизвестно, кто уйдет покалечен, кто убит, а кому повезет остаться в живых, тянуть дальше солдатскую лямку.

Князь М. З. Аргутинский – Долгоруков 16 сентября с войсками прибыл в Курах. Здесь он узнал, что три дня назад до этого Шамиль осаждал Ахтынскую крепость. И, что гарнизон имеет большие потери, в их числе ранен комендант крепости полковник Рот.

Аргутинский, имея 10 орудий и 1500 кавалеристов, отправился спасать Ахтынскую крепость.

...Чирагское укрепление в тревогах и других заботах продолжало действовать до конца Кавказской войны. Царские войска, направляясь в Кази-Кумух или в Дербент, устраивали здесь кратковременный отдых. В свободное время солдаты косили сено в местности, которая с тех пор называется «Орус хъана», заготавливали сушняк, выращивали картофель и капусту, что со временем переняли и местные жители.

⁵ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в.: Сб. документов / Под ред. В. Г. Гаджиева, Х. Х. Рамазанова. Махачкала, 1959. С. 348.

Спустя некоторое время после Кавказской войны необходимость в военном назначении Чирагской крепости отпала, не говоря, в какую копейку обходилось содержание гарнизона в такой дали, от таких центров, какими являлись Темир-Хан-Шура и Дербент. Солдаты и офицеры покинули ее, пушки, снаряды, ракеты, ружья и другие ценности были вывезены, а все остальное брошено на произвол судьбы.

Местные жители тотчас разобрали ворота, двери, оконные рамы, деревянные перекрытия, металлические предметы. В ход пошел и камень. Исчезла крутая лестница, которая спускалась от крепости к воде.

Во время моего первого посещения я застал жалкое зрелище от некогда грозного сооружения. Мое внимание привлекли остатки крепостной стены, имеющие размеры 7 метров длины и около 1 метра высоты. К этому месту была сооружена пристройка, где хранилось колхозное сено.

Я попросил местных жителей не подвергать разрушению то, что сохранилось как память о Кавказской войне.

«Бэла» из Чирага

Какие только удивительные истории не происходили на земле Дагестана. Одна из них описана в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Книга повествует о том, как русский офицер Печорин захватил в плен девушку Бэлу и держал ее в крепости «Каменный Брод».

На первый взгляд сюжет этой части романа кажется вымышленным, придуманным. Я считаю, что великий поэт во время службы на Кавказе непременно слышал немало историй, из которых постепенно нарисовался образ Бэлы.

А происходили ли подобные истории в Дагестане? Да, и притом не однажды. Чтобы не быть голословным, приведу лишь один пример. В 1912 г. в Ботлихе стояла рота 207-го Новобаязетского полка. Некий поручик-красавец увлекся местной девушкой Патал-Баху. Любовь оказалась взаимной. Она ушла за толстые стены крепости.

Легко догадаться, что день возвращения домой для красавицы Патал-Баху был бы и последним днем. Но и в крепости девушка оставаться не могла. Родственники девушки не трогали поручика до поры до времени, ждали удобного случая. Узел был до того затянут, что распутать его никто не мог. Не находя выхода, влюбленные покончили жизнь самоубийством.

«Бэлу» нашел я и в Чираге. Правда, здесь нет точного совпадения с перипетиями главы из «Героя нашего времени» и с ботлихской историей. Да это вовсе и не обязательно. Директор Чирагской школы Мамацаев Магомед Курбанисмаилович поведал мне.

«Лет 15 назад я был в гостях у даргинского композитора Магомеда Касумова. Вечер прошел очень интересно, но одна история, рассказанная его супругой, взволновала меня. А она такова. В годы Кавказской войны в Чираге жила невиданной красоты девушка. Она, конечно, не могла остаться незамеченной офицерами Чирагского укрепления. Двое из них, понимая, что родители девушки ни за какие блага на земле не выдадут ее за иноверца, решили похитить ее, видимо, не без помощи самой девушки. Прошло какое-то время, пока офицеры сумели выполнить свой опасный до чрезвычайности план. Решив отвезти девушку в Тифлис, они пошли даже на такой крайний шаг, как дезертирство.

Узнав о происшествии, в крепости снарядили погоню, в перестрелке тяжело ранило того, кто собирался сделать беглянку своей супругой. Умирая, он завещал товарищу, чтобы тот в Тифлисе передал ее высокопоставленному родственнику. И так как после случившегося горянка уже не сможет вернуться домой, то пусть живет у его близких.

Случилось так, как просил умирающий. Сперва чирагчанка попала в Турцию, где, кроме прочих, интереснейших людей, ее познакомили с А. С. Грибоедовым и его милой женой княжной Ниной...

Затем судьба распорядилась так, что дагестанку повезли Москву. Ей показывали разные примечательности, она присутствовала на балах, посещала театр и однажды, будто, ее познакомили с А. С. Пушкиным. По крайней мере, в этом уверял меня мой информатор.

Тем временем девушка испытывала острую тоску по родине. Потом, бросив все и вся, решила возвратиться в Тифлис. Но и здесь она не нашла успокоения. В один осенний день, когда над городом нависли тучи, и стал накрапывать дождь, чирагчанка на лошади промчалась по улицам Тифлиса и, не раздумывая ни на одну минуту, бросилась с моста в Куру...

Я спросил у 90-летнего Сааду, – продолжил свой рассказ директор школы Мамацаев М. К., – насколько правдива эта история.

Он назвал один из тухумов, где имела такая красавица, которая на самом деле трагически погибла...»

На этом месте можно было бы поставить точку, однако необходимо сказать еще вот о чем. Композитор Магомед Касумов задумал написать музыку ко всему выше рассказанному.

И если это случится, то мы будем иметь удовольствие увидеть и услышать первую даргинскую оперу о Бэле из аула Чираг и ее неразделенной любви.

Бурное

В 1820 году А. П. Ермолов решил возвести над Тарками сильное укрепление, которое, обороняло бы резиденцию шамхала.

Название свое оно получило от частых ветров по вершинам Тарки-Тау, дующих здесь со свирепой силой, особенно в зимнее время. Бурное господствовало над всем побережьем Каспийского моря, на сколько глаз мог охватить.

Закладку первого камня начали с наступлением весны 1821 г. Строительный материал поставлял шамхал Тарковский, а возводили укрепление его же люди вместе с солдатами генерал-майора Вельяминова. В связи с тем, что работы медленно продвигались, решено было привлечь и жителей Мехтулинского ханства. С этой целью в июле в Кулецма прибыл подполковник Евреинов. Обошлось без эксцессов. Население Кулецмы и Охли дали слово прибыть в Тарки.

В конце лета 1821 г. шамхалыцы стали проявлять неповиновение: не только отказывались участвовать в строительстве, но не давали своих ароб и быков для перевозки камня и леса.

Хотя таркинцы объясняли свое поведение тем, что им необходимо и своим хозяйством заниматься, настоящая причина оказалась в ином. Ахмед-хан Аварский через своих лазутчиков обратился к крестьянам, чтобы они не слушались ни генералов, ни их союзника – шамхала Тарковского.

В это время названный хан укреплял Аймаки. Туда держал путь генерал Вельяминов и в коротком бою, использовав артиллерию, заставил Ахмед-хана уйти в Гергебиль, а сам вернулся и продолжил строительство Бурного.

Весною 1826 г. в укреплении на Тарки-Тау мы застаем батальон Куринского полка и 2 орудия.

Через 2 года на подвластных шамхалу землях произошли беспорядки, а в 1829 году заволновалась большая часть Дагестана. Царское командование было в курсе событий, т. к. шамхал и командование Бурного постоянно снабжало его односторонними сведениями. При внимательной проверке начальство пришло к заключению, что в волнениях среди населения, прежде всего, повинен сам шамхал, так как проявлял своеволие, жестокость, своекорыстие и насилие. Доведя народ до отчаяния, для усмирения «бунтовщиков» он призывал русские войска.

Скорее всего, поэтому, когда в 1831 г. 1-й имам Дагестана Кази-Магомед стал распространять шариат, многие на плоскости готовы были встать под его зеленое знамя.

Это, в свою очередь, привело к тому, что имам рискнул в конце мая напасть на Бурное. Попытка оказалась неудачной, и он отступил.

Весною 1840 г., когда Чечня была охвачена восстанием, укрепления в Дагестане, в том числе Бурное, имели мало войск. В распоряжении Клугенау находилось всего несколько сот человек мусульманской милиции, но на нее особенной надежды не было. В Бурном у него имелось две мушкетные роты.

Позднее надобность в крепости над Тарками отпала, и в 1839 году она была упразднена. Помещения использовались под лазарет. Гарнизон Бурного перевели в укрепление Низовое, где со вновь прибывшими число штата увеличилось до 300 человек офицеров и нижних чинов.

Темир-Хан-Шура

Рассказ о Темир-Хан-Шуре я начинаю с событий, происшедших в 1822 году. В это время в аулах, подчиненных шамхалу Тарковскому, происходили волнения. Для их усмирения в названный населенный пункт с войсками прибыл генерал Граббе. Здесь ему стало известно о неповиновении жителей Эрпели главе села. К ним присоединили свой голос каранайцы.

В июле Граббе явился к Эрпелям и атаковал его. Сражение шло до заката солнца. На другой день генерал двинулся в сторону Темир-Хан-Шуры, но не стал подниматься к ней, а на левом берегу Шура-озени разбил лагерь.

Он решил некоторое время свой отряд сохранять в Шуре, чтобы местное население держать в страхе. Вскоре Граббе пришел к мысли о необходимости учредить в кумыкском ауле постоянно действующий пост с гарнизоном.

С началом Кавказской войны Темир-Хан-Шура начинает приобретать все большую известность. Царские войска нередко проходили через Темир-Хан-Шуру, направляясь в горы, а иногда останавливались в селении на отдых. Возникла настоятельная необходимость возведения здесь военного укрепления.

Резиденция командующего войсками генерала А. П. Ермолова находилась в большом кумыкском селении Нижнее Казанище. Здесь создавались планы покорения гор с помощью «осады и штыка». Ермолов, естественно, не мог не обратить внимания на Темир-Хан-Шуру, лежащую в точке пересечения важнейших дорог. Вот почему, когда командир 9-й бригады 21-й пехотной дивизии генерал П. Х. Граббе написал рапорт, где указывал на необходимость создания постоянного поста в Темир-Хан-Шуре, Ермолов ответил на это согласием.

В 1827 году по ряду причин Ермолов был удален с Кавказа, а его место занял генерал И. Ф. Паскевич. К нему-то 31 января 1830 года и обратился с письмом один из крупнейших дагестанских феодалов Мехти-Шамхал. В письме говорилось, что он, Шамхал, «несколько лет назад уведомлял генерала Граббе поставить гарнизон в Темир-Хан-Шуру при одном майоре и заложить крепость, подобную Таркинской»⁶.

Паскевич решил не торопиться. «Названное Шамхалом Тарковским сел. Темир-Хан-Шура, – писал он графу Нессельроде, – лежит между Чиркеем и Тарками. Занятием оно в некотором отношении стеснит промышленность ближайших по сему направлению аварцев, но сие стеснение послужит единственно в пользу Шамхала, который под рукою будет продавать соль за высокую цену, а присутствие нашего отряда удержит только в спокойствии и повиновении жителей Казанищенского общества, к коему принадлежит и Шура, которые менее, нежели прочие подвластные Шамхала, покоряются его требованиям. Итак, из всего вышеизложенного явствует, что предложение Шамхала послужит только к собственной его выгоде, а отнюдь не может вести к желаемой решительной цели...»

Впрочем, очень скоро события развернулись так, что позицию эту пришлось пересмотреть. В 1830–31 гг. восставшие горцы под предводительством имама Казимуллы достигли ряда успехов. В феврале Казимулла осадил Хунзах и потребовал от аварских ханов разрыва связей с царизмом. 27 мая горцы осадили крепость Бурную (близ нынешней Махачкалы). Через месяц десяти тысячное войско восставших атаковало другую важную цитадель царских войск – крепость Внезапную. Несколько позже был осажден Дербент. 1 ноября 1831 года горцы появились у Кизляра и захватили его.

Все это вызвало тревогу в Петербурге. На Кавказ направляются новые воинские подразделения.

⁶ Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. II.

Новый главнокомандующий царскими войсками генерал-адъютант барон Розен с 8-ю батальонами пехоты, конницей и горной артиллерией двинулся в карательную экспедицию вверх по Сулаку.

8 октября его отряд прибыл в Темир-Хан-Шуру.

Кавалер-батарея. Город Буйнакс.

Аул к этому времени представлял собой довольно жалкую картину. Дело в том, что темирханшуринцы в 1831 году открыто перешли на сторону Кази-муллы и напали на кавалерийский отряд генерала Коханова. В наказание тот сжег запасы их хлеба и приказал вырубить сады. «Бунтовщиков» это не испугало. Тогда царские войска устроили погром в самом ауле.

К тому времени, когда в Шуру прибыл отряд генерала Розена, аул еще не оправился от нанесенных ему ран. Повсюду виднелись следы пожарищ и разрушений.

И все же Розен решил обосноваться именно в Темир-Хан-Шуре. Он по достоинству оценил стратегическое положение аула как центра коммуникаций, имеющих важнейшее военное и экономическое значение, ибо через Шуру шли не только войска, но и большинство торговых караванов с гор на плоскость и обратно.

«Я предписал... расположить отряд... в Темир-Хан-Шуре, важность местоположения коего объяснена, – докладывал генерал военному министру. – Отряд сей будет состоять из батальона Апшеронского, 10 рот Куринского пехотного и 2 батальонов 42-го Егерского полков...»⁷.

Апшеронцы в Темир-Хан-Шуре постоянно находились под напряжением быть атакованными со стороны мюридов. Солдаты не могли отлучиться от укрепления даже на 100 шагов, т. к. горцы в окрестных лесах устраивали засады. Вот один из случаев.

⁷ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в.: Сб. документов / Под ред. В. Г. Гаджиева, Х. Х. Рамазанова. Махачкала, 1959. С. 105.

В марте 1836 г. в их руках оказался только что прибывший из России прапорщик Либерт. В том же 1836 году царские войска близ Кавалер-Батарей построили двухэтажную сторожевую башню, а на всей площади скалы установили батарею пушек⁸.

Так началась история Темир-Хан-Шуры, как военного укрепления. Крепость Темир-Хан-Шура 150 лет назад в окружности имела 3 версты 150 сажен. Она была опоясана с трех сторон каменными стенами, а с четвертой, с северо-запада, ее защищали скалы Кавалер-Батарей. Высота стен не превышала двух метров, ширина – 70 сантиметров.

Пять двухэтажных каменных башен охраняли вход в крепость. Одна из них находилась к востоку, метрах в 40–50 от высшей точки Кавалер-Батарей. Две другие – у спуска к речке Шура-озень. Четвертая – приблизительно в середине восточной стены. И, наконец, пятая башня – на юге, на улице Аварской, где сейчас пересекаются улицы Ленина и Хизроева.

Не далее 50 метров от этих оборонительных сооружений крепостные стены прерывались массивными воротами. Их было четыре: Ишкартинские, Дербентские, Аварские и башня Кавалер-Батарей.

При опасности каждая башня своим огнем обороняла подступы к крепости. Около ворот день и ночь дежурили часовые. Как и в средневековых городах Европы, вход и выход из Темир-Хан-Шуры ограничивался временем от восхода солнца до его заката.

Постороннее население тщательно проверялось. Подозрительных задерживали. Во время базаров горцы, идущие в крепость, оставляли у часового свое оружие. На ночь все четверо ворот закрывались, а охрана усиливалась. Запоздавшие до утра должны были коротать время по ту сторону стен царской крепости.

Дежурные офицеры, когда шли дожди, и начиналась пора «знаменитых» шуринских грязей, особенно в ночную пору, должны были в темноте балансировать по гребню крепостных стен, чтобы проверить, как несут службу солдаты на постах.

Из сторожевых башен, о которых мы говорили, можно было вести круговой обстрел. На каждом этаже башен имелось по 16 бойниц. Таким образом, при опасности из каждой двухэтажной башни вели огонь по 32 человека. Кроме этого, на втором этаже имелось по одной пушке у так называемых «командирских окон». Башни были сложены из красного обожженного кирпича, по форме напоминающего цилиндр. Толщина их стен равнялась 1 м 27 см. Если обойти башню вокруг, то можно было отсчитать 41 метр. Внутри башни, на первом этаже, мы увидели бы по две арки, между которыми помещались печи. Ими пользовались в холодное время. На второй этаж вела широкая деревянная лестница в два марша. Верхний пол сколачивали из толстых дубовых досок, способных выдержать пушку весом в 90 пудов. Выйти из башни можно было только в сторону крепости через обитую железным листом дверь.

Во второй половине XIX века, в связи с покорением Дагестана царскими войсками, надобность в оборонительных башнях, как и в самой крепости отпала. Правда, еще однажды стали их приводить в относительный порядок – это во время восстания горцев в 1877 году. Но затем без присмотра все эти сооружения вокруг Темир-Хан-Шуры стали разрушаться. Камни стен и кирпич разбирало гражданское население на строительство. Город очень медленно, но стал расширяться, уже в седьмой раз. Так как внутри укрепления не было свободной площади, то дома возводили за разваливающимися крепостными стенами. Возникли новые улицы. На западе – Апшеронская (ныне Дахадаева), на юге – Аварская (ныне Хизроева), на востоке – Дербентская.

В 70-е годы XIX века ворота на ночь уже не запирались, и часовые не стояли у них. Со временем пришлось отказаться не только от часовых, но и от сторожей, присматривающих за

⁸ Пушки перевозились на конной тяге, поэтому местоположение кавалерийской батареи со временем искаженно стали именовать «Кавалер-Батарей».

имуществом. Так, понемногу были растасканы не только кирпич и камень, но и все то, что относилось к оборонительным сооружениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.